

Кометчиков Игорь Вячеславович

ЛЕКЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА НА СЕЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ 1945 - НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Статья посвящена организации и функционированию лекционной пропаганды на селе Центрального Нечерноземья 1945 - начала 1960-х гг. Основное внимание уделяется анализу динамики ее структуры, размаха и интенсивности вследствие изменения организационных основ. В сталинские годы эти показатели лекционной пропаганды были гораздо более скромными, чем в годы правления Хрущева. Однако, несмотря на реформу системы пропаганды 1957 г., население многих сел и деревень не охватывалось лекциями, а сами они зачастую слабо воздействовали на мировоззрение аудитории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 80-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

TERRORISM AS EXTREME FORM OF MANIFESTATION OF POLITICAL VIOLENCE

Kovrizhnykh Olesya Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy
Transbaikal State University in Chita
olesya.kovrizhnyx@mail.ru

The article examines the essence, characteristics and definition of terrorism. The author characterizes the types of terrorism (depending on target, from the viewpoint of the subject of terrorist activity), its forms (according to political motives, criminal, nationalistic, international, etc.). The researcher also identifies the basic reasons for terrorism (economic, political, cultural, religious, the crisis of identity in the Muslim culture). The paper concludes that we should struggle against terrorism removing its causes and using various mechanisms at international level.

Key words and phrases: terrorism; political violence; globalization; terrorist organizations; democracy; authoritarian regime.

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

Статья посвящена организации и функционированию лекционной пропаганды на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. Основное внимание уделяется анализу динамики ее структуры, размаха и интенсивности вследствие изменения организационных основ. В сталинские годы эти показатели лекционной пропаганды были гораздо более скромными, чем в годы правления Хрущева. Однако, несмотря на реформу системы пропаганды 1957 г., население многих сел и деревень не охватывалось лекциями, а сами они зачастую слабо воздействовали на мировоззрение аудитории.

Ключевые слова и фразы: Центральное Нечерноземье; организация лекционной пропаганды; культурно-просветительная работа; культура советской деревни; повседневность; власть.

Кометчиков Игорь Вячеславович, к.и.н.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
kometchikov.igor@mail.ru

**ЛЕКЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА НА СЕЛЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
1945 – НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ[©]**

В послевоенном СССР лекционная пропаганда долгое время являлась ведущим инструментом мобилизации властью общественного мнения и формирования настроений. Её организация и функционирование изучались в качестве одного из аспектов «культурно-просветительной работы», а содержание и масштабы свидетельствовали как о тесной связи города и села, интеллигенции и трудящихся, так и о немалых «педагогических» усилиях партии и государства [15, с. 60-68; 19, с. 3, 4, 184-223; 23, с. 3, 6, 177-204]. В современной литературе лекционная пропаганда часто анализируется в рамках тоталитарной концепции, сводящей ее к индоктринации, дополнявшей террор [16, с. 160, 168, 169]. Реальная степень организованности и интенсивности пропаганды при этом часто остается умозрительной, так как концептуально ее роль уже определена. Поэтому представляется актуальным исследовать организацию и функционирование лекционной пропаганды на селе Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Ведение лекционной пропаганды в первые послевоенные годы было возложено на несколько структур. Одной из них являлись учреждения культуры, ставшие базой для чтения лекций при местных Советах, созданной по постановлению СНК РСФСР № 521 от 25 августа 1945 г. «Об улучшении лекционной работы, проводимой Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР» [15, с. 61-63]. Судя по резолюции Всероссийского совещания директоров лекционных бюро (июль 1946 г.), материалам прессы, приказам председателя Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР, налаживание работы областных лекционных бюро и особенно районных лекторских групп происходило медленно, созданные действовали нерегулярно, многие местные советские органы не обеспечивали руководства ими [1, с. 45; 13, с. 30, 31; 31, с. 51, 53, 54]. Ещё более медленно складывалась сеть сельских лекториев. Это вполне объяснимо: в отличие от штатных лекторов областных и городских лекционных бюро, члены районных лекторских групп, а также сельских лекторских объединений действовали на общественных началах [20, с. 7; 31, с. 57, 58, 132, 133, 134].

Согласно «Положению о сельском лектории» от 14 июня 1949 г. лектории учреждались по решению РИКа «по инициативе сельской партийной и советской общественности» и подчинялись районному отделу культпросветработы. Их основной целью определялась «пропаганда политических и научных знаний» посредством чтения «популярных лекций», причём не только лекторами-общественниками из числа сельской интеллигенции, но и работниками партийных, комсомольских органов, лекционных бюро, а также лекторами Общества по распространению политических и научных знаний. «Положением» устанавливался «минимум»

лекционной пропаганды: лекторий должен был обеспечить проведение 2-3 лекций в месяц в пункте своего расположения, а также по одной лекции в близлежащих населённых пунктах [30, с. 7-9].

Отчёты сельских клубных учреждений свидетельствуют о том, что большинство из них выполняло план по объёму лекционной пропаганды. В 1950 г. на одну избу-читальню в областях Центрального Нечерноземья в среднем приходилось от 28,5 до 49 лекций и докладов (в Великолукской области – 74 лекции, в Калининской – 67), на один сельский клуб – от 38,5 до 66,8 лекций и докладов (в Великолукской – 86, в Калининской – 84,5), т.е. в среднем 0,6-1,2 лекции и доклада в неделю на один сельский клуб, 0,7-1,3 лекции и доклада – на избу-читальню (подсчитано по: [10, д. 317, л. 49-51, 54-56, 59-61, 87-89, 102-104, 108-110, 122-124, 194-196, д. 318, л. 44-46, 103-105]). Аудитория этих лекций была невелика и составляла в среднем 30-70 слушателей, чаще всего – жителей того сельского населённого пункта, где находился сельский клуб или изба-читальня, т.е. основная масса сельского населения не охватывалась лекциями местных культпросветработников. В 1947 и 1949 гг. на одного сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем от 0,7 до 3,4 посещения клубных лекций и докладов (подсчитано по: [6, д. 416, л. 34-35, д. 526, л. 37, 68, 87, 142, 168, д. 631, л. 35, 41, 43, 75, 111, д. 632, л. 18, 19, 48, 99, 144, 177, д. 657, л. 31, 37, 66, 88, 94, 133, 225, д. 756, л. 23, 27, 33, 36, 40, 67, 96, 110, д. 757, л. 20, 51, 74, 104, 131, 171; 10, д. 280, л. 8-10, 34-36, 82-84, д. 281, л. 36-38, 89-91, 112-114, д. 282, л. 44-46, 48-50, 53-55, 82-84, 96-98, 102-104, 117-119, д. 306, л. 63-65, 67-69, 71-73, 91-93, 103-105, 111-113, 127-129, д. 307, л. 21-23, 37-39, 51-53, 71-73, 95-97]).

Если попытаться ранжировать эти лекции по тематике и посещаемости, то спектр клубной лекционной пропаганды конца 1940-х гг. будет выглядеть следующим образом: 1) наиболее распространёнными были лекции по общественно-политической тематике (в среднем 0,5-1,5 посещения в год на одного сельского жителя); 2) по вопросам техники и агротехники (в среднем 0,06-0,5 посещения); 3) на естественно-научные темы (0,03-0,4 посещения); 4) на литературные и художественные темы (0,03-0,2 посещения) (подсчитано по: [6, д. 416, л. 34-35, д. 526, л. 37, 68, 87, 142, 168, д. 631, л. 35, 41, 43, 75, 111, д. 632, л. 18, 19, 48, 99, 144, 177, д. 657, л. 31, 37, 66, 88, 94, 133, 225, д. 756, л. 23, 27, 33, 36, 40, 67, 96, 110, д. 757, л. 20, 51, 74, 104, 131, 171; 10, д. 280, л. 8-10, 34-36, 82-84, д. 281, л. 36-38, 89-91, 112-114, д. 282, л. 44-46, 48-50, 53-55, 82-84, 96-98, 102-104, 117-119, д. 306, л. 63-65, 67-69, 71-73, 91-93, 103-105, 111-113, 127-129, д. 307, л. 21-23, 37-39, 51-53, 71-73, 95-97]).

Другим институтом по ведению лекционной работы являлась структура Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В условиях неразвитости на селе технических средств трансляции информации (кино и радио), могущих одновременно обеспечить большой охват аудитории, живое устное слово долгое время было основным инструментом, с помощью которого власть регулярно обращалась к живущему в тысячах сел и деревень населению. Предтечей Общества можно считать действовавший ещё в довоенные годы Союз воинствующих безбожников, возглавляемый Е. М. Ярославским. Но постановлением СМ СССР № 1377 от 29 апреля 1947 г. Союз был упразднён, а функция по «распространению научных и материалистических знаний» передавалась Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний [12, д. 2, л. 1]. Создание новой «конкурирующей» структуры в дополнение к существовавшей системе лекционных бюро, районных лекторских групп и сельских лекториев находилось в общем русле усилий власти по активизации пропаганды для нивелировки общественного мнения, оживившегося в военные и первые послевоенные годы. Создание Общества можно объяснить стремлением в целом максимизировать число лекторов и продублировать систему лекционных бюро посредством привлечения к чтению лекций более квалифицированных научных и политических работников: на местах сказывался недостаток людей, способных квалифицированно транслировать официальный курс.

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (в РСФСР – Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР) с разветвлённой сетью областных, районных отделений, сельских объединений и групп его членов на первых порах объединяло преимущественно представителей городской (научной и вузовской) интеллигенции. Ему было предназначено стать верхним ярусом охватывающего всю страну разветвлённого пропагандистского аппарата. Согласно Уставу Всесоюзного Общества, принятому 9 июля 1947 года, оно являлось «общественной политико-просветительной организацией», имевшей целью «распространение научных и политических знаний» среди населения СССР, что достигалось путём организации публичных лекций по различным вопросам [Там же, д. 26, л. 25, 26]. Членство в Обществе формально было добровольным и имело две градации. Действительными членами являлись те, кто лично принимал участие в составлении и чтении лекций, написании научно-популярной литературы, а членами-соревнователями – лекторы, читавшие лекции на основе одобренных Обществом текстов и участвовавшие в организации научных опытов, выставках и т.д. Единовременный вступительный взнос для членов-учреждений составлял 10 тыс. рублей, для действительных членов – 100 рублей, для членов-соревнователей – 50 рублей. Регулярные членские взносы устанавливались для членов-учреждений в размере 2000 рублей в год, для действительных членов – 50 рублей, для членов-соревнователей – 25 рублей [Там же, л. 27, 36]. Действительное членство давало возможность выступать от имени Общества с платными лекциями, что должно было стать стимулом вступать в его ряды. Однако статистические отчёты и другая документация о деятельности провинциальных отделений Общества свидетельствуют, что платные лекции местных интеллигентов в глубинке составляли меньшую часть лекционной пропаганды Общества.

Для вступивших в Общество в сельских районах членство в нём было обременительной обязанностью, связанной с уплатой высоких для сельской интеллигенции членских взносов. В справке о деятельности Общества, подготовленной в апреле 1949 г. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) для Г. М. Маленкова и М. А. Суслова, указывалось, что Общество не превратилось в массовую организацию интеллигенции,

«не преодолело известной замкнутости и не покончило с неправильной тенденцией ограничивать состав Общества узким кругом деятелей науки» [26, д. 112, л. 35, 36]. Среди части партийного руководства на местах образование ячеек Общества было воспринято как сигнал к развёртыванию кампании по вербовке его членов. Пользуясь отлаженной практикой регулярных вызовов в районный центр врачей, учителей, агрономов, районные партработники совместно с директорами сельских школ составляли списки тех, кого «желательно вовлечь в члены Общества». После этого намеченных кандидатов вызывали в РК ВКП(б) и вручали для заполнения анкеты членов. Собранные документы пересылались в областные отделения, где одновременно принимали решения о приеме сотен новых членов [12, д. 613, л. 182-184]. Получая предложение вступить в Общество, многие сельские интеллигенты рассуждали: «Зачем же я буду вступать в Общество, где с меня потребуют уплаты вступительного и членских взносов, обяжут бесплатно читать лекции, писать тексты лекций, если я все равно читаю те же бесплатные лекции на те же темы по линии культпросветотдела или РК ВКП(б), но где от меня не требуют никаких денег и не заставляют писать текстов лекций...» [Там же, л. 138].

Между тем власть была заинтересована в превращении Общества в действительно массовую организацию. Периодически Обществу и его членам предоставлялись финансовые льготы. С 16 декабря 1947 г. публичные лекции и другие просветительные мероприятия Общества были освобождены от обложения государственными и местными налогами [21, с. 204]. 20 июня 1949 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний» [18, с. 193]. При его подготовке в 1949 г. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) внес предложения по уменьшению размеров вступительного и членских взносов для действительных членов Общества в сельских районах до 25 и 15 рублей, для членов-соревнователей – до 15 и 5 рублей соответственно, мотивируя это тем, что существовавшие их размеры являются «препятствием» для роста числа рядов Общества. На 1 января 1949 г. в составе действительных членов Всесоюзного общества числилось всего 80 учителей, 549 агрономов, 916 врачей, в составе членов-соревнователей, соответственно, 3338, 662 и 1163 [26, д. 112, л. 96]. Постановлением размер вступительных взносов для действительных членов Общества понижался до 50 руб., для членов-соревнователей до 20 руб., членские взносы – до 25 и 10 руб. соответственно [18, с. 197].

В сентябре 1951 г. с предложением вновь понизить размеры вступительного и членских взносов в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) обратилось правление Общества, так как их ставки вновь были признаны «обременительными», особенно для сельской интеллигенции. Партийные пропагандисты поддержали понижение вступительного взноса для действительного члена до 25 рублей, членских взносов – до 25 рублей (взносы членов-соревнователей должны были равняться 20 и 10 рублям соответственно) [26, д. 468, л. 164, 166]. 5 февраля 1949 г. Правление Всесоюзного общества утвердило «Положение об условиях работы и оплате труда нештатных уполномоченных по распространению билетов на публичные лекции и другие мероприятия Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», по которому отделениям Общества разрешалось привлекать для распространения билетов внештатных уполномоченных. Каждому из них отводился район или список предприятий и организаций, выплачивалась комиссия до 10% суммы, вырученной от реализации билетов (не более 1500 руб. в месяц) [21, с. 271, 272].

В конце 1940-х гг. низовым звеном Общества на селе являлись его лектории в колхозах, совхозах, МТС, сёлах, к которым тяготела основная масса читавших лекции сельских интеллигентов. В 1947-1953 гг. плотность ячеек Общества на селе была очень низкой: в 1951 г. в областях Центрального Нечерноземья на один сельский лекторий Общества приходилось в среднем от 116 до 966 колхозов, совхозов, МТС и сел (исключение составляла только Московская область, где этот показатель равнялся 50). В 1953 г. в тринадцати областях Центрального Нечерноземья действовало 136 его лекториев в сельских райцентрах, 356 районных отделений и 448 лекториев в колхозах, совхозах, МТС и сёлах (подсчитано по: [8, д. 65, л. 7-10; 12, д. 620, л. 22, д. 777, л. 18-19]).

Анализ объёма лекционной пропаганды областных отделений Общества в зависимости от удельного веса их тематики показывает, что с 1949 по 1953 г. наиболее распространёнными темами в областях Центрального Нечерноземья были (по мере убывания): 1) международное положение; 2) история КПСС; 3) история СССР и всеобщая история; 4) сельское хозяйство; 5) медицина; 6) история государства и права; 7) научный атеизм; 8) биология; 9) опыт передовиков сельскохозяйственного производства (подсчитано по: [12, д. 303, л. 11-12, д. 514, л. 8-16, д. 620, л. 39-41, д. 985, л. 22-24, 31-36]).

Несмотря на то, что деятельность Общества планировалась и контролировалась партийными пропагандистами, на деле тематика лекций существенно зависела от наличия на местах узких специалистов. Этим обстоятельством объясняется преобладание лекций по вопросам «международной обстановки», истории партии и сельскому хозяйству, с которыми в глубинке мог выступить почти любой относительно грамотный человек, читающий прессу и слушающий радио. Чем более специфичным был предмет, тем меньше квалифицированных лекторов можно было найти. Чаще всего нагрузка по ведению таких лекций возлагалась на местных интеллигентов – врачей, агрономов, зоотехников, низовых партийных, советских работников и учителей сельских школ – в своем большинстве самых подготовленных и способных лекторов сельской местности.

Обращает на себя внимание довольно скромное количество атеистических лекций в общем объёме лекционной пропаганды, которые прочно держались на 6-7 месте. В 1951 г. их количество, приходящееся в среднем суммарно на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населённый пункт, было незначительно и во всех областях Центрального Нечерноземья не превышало 0,012-0,045 лекции (подсчитано по: [12, д. 620, л. 39-41; 26, д. 4102, л. 113-114, д. 4445, л. 140, 166]). При этом власть не придавала, как видно, антирелигиозной пропаганде большого значения. Для её активизации председатель Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР только 7 февраля 1951 г. (впервые после издания постановления ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 г.

«Об организации научно-просветительной пропаганды») издал приказ, которым руководителям региональных отделов культпросветработы предписывалось, с одной стороны, усилить ведение пропаганды «против религиозных пережитков, остатков бескультурья и суеверий», а с другой – «устранить устаревшие методы ведения антирелигиозной пропаганды» [30, с. 22-23].

Антирелигиозная и естественно-научная пропаганда отличалась неконкретностью, часто запаздывала с реакцией на локальный всплеск религиозности, а то и вовсе провоцировала нагнетание панических слухов и суеверий. 23 февраля 1945 г. заместитель наркома государственной безопасности СССР Б. З. Кобулов информировал Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) на основании перлюстрации частной переписки о распространении панических слухов, темой которых была «предстоящая катастрофа Земли от столкновения с раскаленным телом, оторвавшимся от Солнца». Слухи о «конце света» вызвала трансляция по радио лекций «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Есть ли жизнь на планетах?», «Необыкновенные явления в природе», «Астрономия на войне», которые читал сотрудник московского планетария А. Ларионов. В письмах, отправленных из Смоленской области, авторы так осмысливали услышанное по радио: «У нас здесь говорят, что через 14 дней свалится планета, величина её займёт всю Смоленскую область. Дорогие, сильно не волнуйтесь, если свалится, то попадём все в рай и на том свете в раю встретимся». «Ждём падения метеора. Вот по этому поводу решила написать. Чем чёрт не шутит, возможно, стихия решит нашу судьбу. У нас в колхозе только и разговоров про это сообщение. Падение ожидается к 1-му числу. Так что, Петя, будем живы – увидимся, но всё возможно»; «От Большой Медведицы оторвалась звезда, которая должна упасть на одну из трёх областей: Московскую, Смоленскую или Орловскую. Думали эвакуировать население, но уже поздно – не успеют. Всё население одной из этих областей должно погибнуть. Если об этом не говорит официальная печать, то просто не хотят создать паники у населения» [25, д. 343, л. 11-14]. На Всесоюзном совещании председателей бюро научно-атеистических секций отделений Общества, которое состоялось 6-8 декабря 1951 г. в Москве, представитель Костромского отделения сообщил собравшимся: «Иногда надо тушить возникающий пожар немедленно, то есть ставить узкую лекцию, если хотите, специальную лекцию. Например, в с. Шунга в прошлом году грозовым ударом было убито сразу 7 человек. Среди них было 2 комсомолки. Поп развернул соответствующую пропаганду, в результате пошли разговоры о том, что несчастье случилось только из-за того, что там присутствовали комсомолки. Надо сказать, что Общество прозевало это дело...» [12, д. 480, л. 118].

Содержание лекций на селе было притчей во языцех во власти при обсуждении вопросов идеологической и культурно-просветительной работы. 24 апреля 1945 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «Об установлении премии за лучшие лекции и доклады для молодёжи». Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ получил в сентябре-декабре 1945 г. из обкомов, крайкомов и ЦК комсомола союзных республик стенограммы 77 лекций, которые были направлены на рецензии профессорам столичных вузов. Отбор лучших текстов показал, что большинство обкомов комсомола вообще не организовывали их составление: из 77 лекций 43 поступили из Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ. Среди авторов лекций не было ни одного лектора обкома ВКП(б). Большинство лекций было забраковано как слабые с точки зрения «марксистско-ленинской методологии» и современного уровня науки. В итоге было решено первые премии не присуждать, вторую премию присудить трём лекциям, присланным из Ленинграда, а остальные вернуть с рецензиями и рекомендацией «тщательнее работать» над ними. К справке об итогах конкурса прилагался проект постановления ЦК ВЛКСМ о недостатках в постановке лекционной пропаганды среди молодёжи и мерах по их устранению, в котором указывалось на «несерьёзный подход» к подбору лекторов, а также их концентрацию только в областных и районных центрах, присутствие «случайных и ненужных для молодёжи» тем лекций [27, д. 371, л. 1-3, 5-6].

Были у отделений Общества и успехи. В отчёте о работе Ивановского областного отделения Общества за 1951 г. его ответственный секретарь В. Крылов не без гордости сообщал, что благодаря активности отделения «во многих районах впервые увидели и услышали живого учёного, а иногда и вообще впервые прослушали квалифицированную лекцию» [12, д. 613, л. 137-138].

В сельских районах областей Центрального Нечерноземья объём лекционной работы отделений Общества с 1949 по 1953 г. увеличился в 2-35 раз, а в колхозах, совхозах и МТС с 1949 по 1953 г. он возрос в 1-11 раз (подсчитано по: [Там же, д. 306, л. 27-28, д. 620, л. 30-31, 32-33, 53-54, д. 985, л. 8-14, 22-24, 28-30]). Большинство прочитанных на селе членами Общества лекций были бесплатными. Наиболее активно лекционная работа велась в сельских райцентрах, где концентрировалась основная часть наиболее квалифицированных лекторских сил района. В то же время существовали значительные межобластные различия, велик был разброс числа лекций, приходящихся на сельский райцентр. Так, в 1949 г. на один сельский районный центр в среднем пришлось от 2,2 до 52,8 лекций, в 1951 г. – от 41,7 до 207,3, в 1953 г. – от 11,6 до 332,4 (подсчитано по: [8, д. 64, л. 37, 37 об., 38, д. 65, л. 7-10, д. 73, л. 40-41, 41 об.; 11, д. 123, л. 13, 16, 24, 33, 36, 37, 43, 57, 63, 71, 77, 89, 102; 12, д. 306, л. 27-28, д. 620, л. 30-31, 32-33, д. 985, л. 22-24, д. 1062, л. 9-10; 28, д. 3344, л. 123]).

Гораздо меньшее количество лекций читалось непосредственно на селе. В 1951 г. на один сельский населённый пункт, колхоз, совхоз и МТС в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем 0,5-0,95 лекций (подсчитано по: [12, д. 306, л. 27-28; 28, д. 4102, л. 113-114]). Не удивительно, что часто и с трибун различных заседаний, и в письмах сельского населения во власть как обыденное явление отмечалось почти полное отсутствие лекционной пропаганды. Исключительный даже с точки зрения элементарного информирования населения случай привел в апреле 1953 г. на заседании Калужского облсовета заведующий облконторой «Заготзерно», рассказывая о колхозе им. Сталина Спас-Деменского района: «С октября 1952 года там вообще никого не было ни из областных, ни из районных руководителей. В октябре месяце был представитель обкома партии и с того времени никто там не был. Народ даже не знает, был ли похоронен

товарищ Сталин или нет. Никакой разъяснительной работы там не проводится. В колхозе есть партийная организация. Секретарь парторганизации – учитель, который все время находится в Широковском сельсовете и появляется в колхозе один раз в квартал...» [4, д. 1251, л. 22].

Таким образом, несмотря на создание на селе Центрального Нечерноземья в первые послевоенные годы разветвлённой системы лекционной пропаганды, добиться массовости и высокой интенсивности пропагандистского воздействия не удалось. Власть вынуждена была мириться с параллелизмом, заметным в работе областных и районных отделений Общества, низовых объединений лекторов областных лекционных бюро, штатных и внештатных пропагандистов обкомов и райкомов ВКП(б), порождавшим приписки объемов лекций и «тройную бухгалтерию» [12, д. 452, л. 266; 30, с. 17-22, 23-25; 31, с. 101-103, 107]. Качество и интенсивность лекционной пропаганды существенно понижались по мере удаления от крупных городов и районных центров, были крайне неравномерными между ними. Для жителя сельской местности лекция была довольно редким, а подчас и недоступным мероприятием.

В середине 1950-х гг. верхи предпринимают объединение лекционной пропаганды под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, направленное на расширение числа лекторов и увеличение числа лекций, особенно в сельской местности. К этому времени, кроме областных лекционных бюро министерства культуры РСФСР, практически в каждом районе действовали районные бюро, которые координировали работу десятков бюро при МТС и колхозах, а также сотен сельских лекторских объединений [9, д. 1109, л. 9]. В начале 1956 г. количество членов лекционных бюро и сельских объединений лекторов в 2-3 раза превосходило ряды отделений Общества (подсчитано по: [9, л. 7, 8; 12, д. 1090, л. 6, 7]). От 45 до 65% лекторов системы лекционных бюро министерства культуры составляли учителя, от 11 до 16% – медицинские работники, от 15 до 24% – специалисты сельского хозяйства, от 1,5 до 5,5% – инженерно-технические работники (подсчитано по: [9, д. 1109, л. 7, 8]).

В канун завершения деятельности лекционных бюро Центрального Нечерноземья в качестве самостоятельной структуры их лекторы добавляли к лекциям отделений Всесоюзного общества в среднем в год на одного сельского жителя от 1,3 до 2,9 лекций. Исключение составляла только Московская область, где один сельский житель в среднем 5,2 раза в год посещал лекции лекторов-общественников (подсчитано по: [Там же, л. 5, 6]). По составу читавшиеся лекции представляли собой, как и лекции членов Общества, сочетание политической информации и сельскохозяйственной пропаганды: в их общей массе мероприятия на «общественно-политические темы» составляли от 25 до 44%, лекции на сельскохозяйственные темы – от 15 до 33%, по медицине – от 5,4 до 10,5%, на естественно-научные темы – от 7 до 17,3%, по вопросам техники – от 1 до 3%, научно-атеистические лекции – от 4,8 до 8% (подсчитано по: [Там же]).

«Узким» местом лекционной пропаганды отделений Общества продолжало оставаться чтение научно-атеистических лекций, упиравшееся в проблему отсутствия на селе достаточно квалифицированных для этого кадров. В 1955 г. количество антирелигиозных лекций, приходящееся в среднем на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населённый пункт, колебалось по областям от 0,017 до 0,21 лекций (подсчитано по: [12, д. 1090, л. 18-19, 20, 21; 28, д. 5301, л. 186, 198]). 4 февраля 1955 г. состоялось совещание руководителей секций при правлении Общества, посвященное корректровке научно-атеистической пропаганды в свете постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Совещание открыл первый заместитель председателя правления Общества профессор Лаптев, проанализировавший типичные промахи лекторов-антирелигиозников, к которым он отнёс подмену антирелигиозной пропаганды оскорблением представителей духовенства и религиозных чувств верующих, попытки безосновательного опровержения постулатов религиозного вероучения, отсутствие понятной аудитории связи естествознания и атеизма, нехватку квалифицированных кадров лекторов-атеистов и их выступления перед неверующей аудиторией. Мысль об отрыве атеизма от естествознания он аргументировал так: «Был такой случай, когда на селе была поставлена лекция, даже с передвижным планетарием, где для верующих показывалось строение Вселенной. Слушали все внимательно. После лекции спросили: "Ну, как, вам понравилась лекция?" – "Очень понравилась". "А что, собственно, вам понравилось в лекции?" – "Нам понравилось, как прекрасно бог устроил Вселенную"» [12, д. 1048, л. 6, 11, 13, 15, 17, 21]. Ему вторил лектор из Калининской области на совещании сельских лекторов-общественников 15 марта 1957 г. в Москве [Там же, д. 1104, л. 38], а также представители Смоленского и Московского отделений общества на совещании-семинаре 10 января 1956 г. [11, д. 65, л. 94, 95, 134].

Многие лекции продолжали оставаться малопонятными для аудитории, «оторванными от жизни» или же профанирующими свой предмет. Так, например, на заседании пленума Калужского обкома КПСС 28 сентября 1954 г. заведующий отделом пропаганды и агитации привёл в качестве примера выступление на семинаре в Людиновском РК КПСС местного медработника с лекцией о вреде алкоголя: «Врачом Тереховой была прочитана лекция о вреде алкоголя, всё она свела к нескольким острым эпитетам, что алкоголь – это дурман, что люди, употребляющие алкоголь, – это скотоподобные пьяницы. А когда она стала отвечать на вопросы, то говорила такие вещи, которые слушать неудобно. Ей задали вопрос: почему строятся ликёроводочные заводы? Она отвечает: потому, что не ведётся научная пропаганда. Ей задают другой вопрос: почему работники врачебного фронта иногда употребляют алкоголь? Она говорит: в семье не без урода. Ей задают вопрос: скажите, почему вы нам рассказываете о вреде алкоголя, а на фронте бойцам давали по 100 грамм водки? Она отвечает: как это по 100? Некоторым по 500 грамм выдавали...» [3, д. 154, л. 147].

Основная ставка при проведении лекционной пропаганды по-прежнему делалась на живое слово. В середине 1950-х гг. число лекций, переданных по радио, продолжало оставаться незначительным. В 1955 г. из двенадцати областей Центрального Нечерноземья только в Ярославской области по радио было передано

14 лекций, в Московской области – 31 лекция, составлявшие десятые доли процента в общем объёме лекционной пропаганды Общества для аудитории на селе. В 1957 г. незначительное количество лекций для слушателей в сельских районах было прочитано во Владимирской, Калужской и Тульской областях (подсчитано по: [11, д. 123, л. 16, 24, 37, 43, 89; 12, д. 1062, л. 11-12]).

И в правлении Общества, и в его областных отделениях признавали малочисленность многих районных отделений и слабую активность значительного числа лекторов, стремившихся уклониться от обязанности чтения лекций для сельского населения. Из около 10 тыс. специалистов умственного труда Калужской области членами Общества в 1954 г. состояли всего 1367 чел., причем в некоторых районах их насчитывалось по 15-20 чел. [3, д. 154, л. 132]. Когда Спас-Деменский РК КПСС направил директора Нестеровской семилетней школы, бывшего к тому же в колхозе этого сельсовета парторгом, прочитать доклад о 36-й годовщине Октябрьской революции в одну из деревень, тот не выполнил поручения, говоря в своём кругу: «Там народ готовится встречать Казанскую. Зачем им мешать?» [2, д. 10, л. 217]. В Федосовском сельском клубе Невельского района Великолукской области местные лекторы часто сводили свои выступления к «громким читкам» научно-популярных брошюр и статей из журналов. Заведующие сельскими клубами и избами-читальнями в районе были уверены, что «на лекцию народ не пойдёт, если её не сопроводит кино, а лучше всего танцами». Стремясь «дать план» по посещаемости лекций, заведующий Пучковским сельским клубом попросил бригадиров колхоза привлечь аудиторию, а те ходили по домам и «наряжали на лекцию» [29, с. 22, 24].

Следует отметить, что и руководство Общества было заинтересовано в представлении в выгодном для себя свете статистики прочитанных лекций. По существовавшему в конце 1950-х гг. порядку планирования объёмов лекционной пропаганды, годовые планы составлялись в областных отделениях Общества и согласовывались в обкомах КПСС, после чего поступали на утверждение правления Общества. Интенсивность лекционной пропаганды определялась из расчёта чтения 1-2 лекций на каждое предприятие, цех, смену, колхоз, МТС, РТС, совхоз, бригаду, полево́й стан, ферму, клуб, дом культуры, ЖАКТ, избу-читальню, красный уголок. Порядок планирования лекционной пропаганды на душу населения в правлении Общества считали «оригинальным», но «неправильным», рекомендуя отделениям при составлении плана исходить из «наличия производственных и иных единиц, насчитывающих от 15 и более работающих», для каждой из которых должно было проводиться ежемесячно по одной лекции [11, д. 369, л. 16-17, 23]. При этом в закрытых статистических обзорах о деятельности учреждений культуры конца 1950-х гг. многие показатели охвата сельского населения теми или иными формами культурного обслуживания рассчитывались именно из их числа, приходящегося на количество сельского населения [9, д. 3023, л. 162 а – 192 е, 192 об.].

Незадолго до решения о слиянии систем лекционной пропаганды на страницах периодики развернулся обмен мнениями и опытом унификации пропагандистских структур на селе под эгидой партийных органов. В качестве одной из мер по упорядочению лекционной пропаганды, устранению параллелизма и несогласованности в работе лекторов, а главное – по достижению равномерного охвата сельского населения лекционной пропагандой предлагалось введение «единых» планов лекционной пропаганды с учётом всех лекторов. Контроль их выполнения предлагалось возложить на пропагандистский аппарат РК КПСС [13, с. 16-17; 17, с. 20; 32, с. 25]. До объединения лекционной пропаганды под эгидой Всесоюзного общества постановлением СМ СССР № 449 от 9 апреля 1956 г. были введены единые ставки гонорара лекторам [21, с. 269, 270].

Не сумев обеспечить динамичный прирост на селе численности рядов Общества «изнутри», власти превратили его в массовую организацию административно. Решение о передаче ведения лекционной пропаганды от органов министерства культуры СССР Обществу было принято ЦК КПСС 29 января 1957 г. 12 февраля 1957 г. вышел приказ № 97 министра культуры СССР Н. А. Михайлова «О передаче функций лекционной пропаганды органов Министерства культуры СССР Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний» [12, д. 1092, л. 64]. В РСФСР его реализацию конкретизировало постановление СМ РСФСР № 83 от 2 марта 1957 г., предусматривавшее резкое увеличение чтения членами Общества бесплатных лекций, особенно на селе. Его четвёртый пункт обязывал привлекать в сельские группы членов Общества лекторов из существующих сельских объединений и лекторских групп при МТС. Ряды Общества также должны были возрасти за счёт членов лекторских групп при РИКах [Там же, л. 88-89]. Согласно совместному письму министерства культуры СССР и правления Всесоюзного общества от 23 февраля 1957 г., активные лекторы сельских лекторских коллективов, вступившие в члены Общества до 1 июля 1957 г., освобождались от уплаты вступительных взносов. Районным отделениям Общества рекомендовалось формировать сельские группы Общества при наличии на селе 7-10 его членов [21, с. 91]. Слияние, таким образом, предполагало не только концентрацию лекционной пропаганды в одной организации, но и усиление её районного звена, что вписывалось в курс политического руководства по мобилизации на работу в сельские районы большого числа партийных и советских работников из городов, проводившийся в середине и второй половине 1950-х гг.

В результате реализации этих решений численность членов Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР только за 1957 г. выросла на 162 тыс. чел. Было создано 22 тыс. сельских групп его членов [9, д. 369, л. 15, 16]. Если в 1956 г. ряды отделений Общества в областях Центрального Нечерноземья насчитывали от 1400 до 2800 членов (исключение составляла только Московская область, где ряды областного отделения насчитывали около 12 тыс. членов), то в конце 1959 г. – от 4 до 9 с лишним тысяч членов (Московское областное отделение объединяло 17370 членов) [11, д. 303, л. 8, 9; 12, д. 1090, л. 6-7].

Централизация ведения лекционной пропаганды в структурах Общества в областях Центрального Нечерноземья приводит к значительному увеличению количества лекций, прочитанных на селе. К 1957 г. по сравнению с 1953 г. объём лекционной пропаганды отделений Общества в сельских районах возрастает

в 3-10 раз, а число лекций в колхозах, МТС и совхозах – в 3-20 раз (подсчитано по: [11, д. 123, л. 13, 16 об., 24 об., 36, 37 об., 43 об., 57 об., 63 об., 71 об., 77 об., 89 об.; 12, д. 985, л. 25-30]). Вследствие этого в сельских районах в 3-9 раз увеличивается посещаемость лекций: если в 1953 г. на одного сельского жителя областей Центрального Нечерноземья пришлось в год в среднем от 0,3 до 0,5 посещения лекций (в Московской области – 1,3), то в 1957 г. этот показатель колебался от 1,5 до 3,8 посещения (в Орловской области – 0,5, в Калининской области – 0,7 помещений) (подсчитано по: [5, д. 6853, л. 5, 42, 64, 70, 101, 147, д. 6854, л. 70, 98, 100, 117, 140, 144, 150; 6, д. 416, л. 34-35, д. 756, л. 23, 27, 33, 36, 40, 67, 96, 110, д. 757, л. 20, 51, 74, 104, 131, 171, д. 3324, л. 1, 22, 25, 60, 62, 68, д. 3338, л. 52; 7, д. 11982, л. 43, 50, 51, 57, 60, 64, 86, 92, 94, 96, 98, 100; 11, д. 123, л. 13, 16 об., 24 об., 36, 37 об., 43 об., 57 об., 63 об., 71 об., 77 об., 89 об., д. 514, л. 30 об., 32 об., 44 об., 49 об., 56 об., 67 об., 86 об., 90 об., 104 об., 111 об., 120 об., 135 об.; 12, д. 985, л. 9-16, 25-27, д. 1062, л. 9-10]).

Централизация лекционной пропаганды в Обществе велась в общем русле культурной политики, проводимой министерствами культуры СССР и РСФСР под руководством отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и состоявшей в ужесточении контроля над сферой «культурно-массовой» работы путём её концентрации в одном ведомстве, расширении охвата ею сельского населения, а также унификации транслировавшихся культурных ценностей. Стремясь повысить эффективность лекционной пропаганды на селе, власть продолжала и её интеграцию в сеть учреждений культуры, обосновывая это необходимостью усиления пропаганды решений XXI съезда КПСС. Министр культуры РСФСР и председатель правления республиканского Общества рекомендовали заведующим сельскими учреждениями культуры и руководителям сельских групп членов Общества координировать свою работу, составлять совместные планы работы и вести организацию университетов культуры при клубах и кинолекториев с еженедельным чтением в них лекций [21, с. 74, 77-78].

В результате этих мер ещё более повысилась плотность низовой сети лекционной пропаганды: в 1961 г. на одну сельскую группу членов Общества приходилось в среднем от 8 до 38 колхозов, совхозов, РТС и сельских населённых пунктов (подсчитано по: [11, д. 514, л. 30 об., 32 об., 44 об., 49 об., 56 об., 67 об., 86 об., 90 об., 104 об., 111 об., 120 об., 135 об.; 28, д. 6296, л. 87-88]). Увеличилась и активность лекторов Общества. В 1959 г. по отделениям Общества в областях Центрального Нечерноземья в среднем один лектор выступал в год с 6,3-12,1 лекциями, в 1961 г. – с 7,6-15 лекциями (подсчитано по: [11, д. 303, л. 8, 9, д. 514, л. 6, 7]). За 1957-1961 гг. количество лекций, прочитанных в колхозах, совхозах, МТС, сёлах, выросло почти в четыре раза, с 147 014 до 584 313 (подсчитано по: [Там же, д. 123, л. 13, 16 об., 24 об., 36, 37 об., 43 об., 57 об., 63 об., 71 об., 77 об., 89 об., д. 514, л. 6-7]). Увеличилось и количество лекций, приходящихся в среднем на один колхоз, совхоз, сельский населённый пункт. Если в 1955 г. их насчитывалось от 0,2 до 0,9 (в Московской области – 2,04 лекции), то в 1960 г. – от 3,65 до 11,5 (подсчитано по: [11, д. 514, л. 6-7; 12, д. 1062, л. 11-12; 28, д. 5301, л. 186, 198, д. 6296, л. 87-88]).

За десятилетие с конца 1940-х до конца 1950-х г. во всех областях Центрального Нечерноземья количество бесплатных лекций и лекций, прочитанных по радио и телевидению, выросло до 80-90% всего объёма лекционной пропаганды (подсчитано по: [11, д. 303, л. 8, 9]). Увеличилось и количество атеистических лекций. Если в 1955 г. на один сельский населённый пункт, колхоз, совхоз, МТС приходилось в среднем в год от 0,01 до 0,07 лекций, то в 1960 г. – от 0,30 до 1,08 (подсчитано по: [11, д. 514, л. 8-16; 12, д. 1062, л. 13-14; 28, д. 5301, л. 186, 198, д. 6296, л. 87-88]).

В то же время, как и раньше, эффективность лекционной пропаганды продолжала вызывать массу нареканий самих пропагандистов и их партийных кураторов. 14 января 1959 г. в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР состоялось совещание, посвящённое состоянию массово-политической и культурно-просветительской работы среди животноводов Костромской области, на котором выступал с докладом секретарь по идеологии Костромского обкома КПСС Соколов. Когда он закончил, работу костромских партийных пропагандистов раскритиковали работники ЦК КПСС по РСФСР, посетившие перед совещанием около 70 костромских колхозов. Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. П. Московский, подытоживая выступление своего подчинённого, возглавлявшего бригаду ревизоров, заявил: «Сделано много докладов, а каково влияние на производство этих докладов? А влияние, оказывается, очень слабое... <...> какие цифры, всё охвачено, всё в пламени, всё охвачено огнём, огненными речами, а дела остаются прежними. Растёт животноводство не общественное, а частное. Так что дело не в охвате, а дело в содержании и работе с кадрами... Прямо какой-то цирк происходит в отстающих колхозах и районах... Смотрите, что даётся в лекции в колхозе "Пятилетка". 8 декабря, на собрании колхозников, посвящённом переводу на денежную оплату, выступил т. Кудряшев. Он в своём выступлении говорит, что переход от трудодня на денежную оплату – это переход от коммунизма к социализму, что с переходом на денежную оплату, разъясняет он, колхозники будут работать по способностям и получать по потребностям... Кудряшев – масштаб сельский, а в областном масштабе со всякой путаницей тоже выступают...» [24, д. 58, л. 50, 56]. 27 августа 1959 г. ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», в котором оно критиковалось за недостаточную «идейность и научность» лекционной пропаганды, её отрыв от «задач коммунистического строительства», слабый охват ею сельского населения, низкую активность многих лекторов, значительное число платных лекций [32, с. 470-477].

Таким образом, развитие лекционной пропаганды на селе Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг. определялось потребностью власти формировать и мобилизовать общественное мнение, которую приходилось удовлетворять в условиях неразвитости технических средств трансляции информации. Установка на живое слово предопределила логику совершенствования системы лекционной пропаганды путем наращивания числа лекций и расширения охвата аудитории. По этим показателям разрозненная сеть лекционной

пропаганды в заключительные годы сталинского правления в разы отставала от уровня, достигнутого объединенным Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний к концу 1950-х – началу 1960-х гг. «Тоталитарное» государство Сталина располагало в этом отношении гораздо более скромными ресурсами, чем «авторитарное» Хрущева, в котором лекция становится самым распространенным официально организуемым мероприятием для населения. Однако даже с учетом значительного роста числа лекторов и лекций в конце 1950-х – начале 1960-х гг. система лекционной пропаганды не справлялась с полным охватом жителей сел и деревень, а весьма скромный, как правило, уровень сельских лекторов делал многие их выступления разнообразностью политинформации с высокой долей профанации, мало менявшей мировоззрение и ценности аудитории.

Список литературы

1. Бароненков Ю. Больше внимания районной лекторской группе // Культурно-просветительная работа. 1947. № 3. С. 44-46.
2. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 40. Оп. 9.
3. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 20.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-883. Оп. 16.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 1.
6. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11.
7. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30.
8. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46.
9. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1.
10. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1.
11. ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1.
12. ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1.
13. Егоров Н. Единый план лекций // Культурно-просветительная работа. 1955. № 8. С. 16-17.
14. Зуева Т. О задачах культурно-просветительной работы в деревне: сокращенная стенограмма доклада на Всероссийском совещании по культурно-просветительной работе 11 июня 1947 г. // Культурно-просветительная работа. 1947. № 8. С. 24-37.
15. Кабанов П. И. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1946-1953 гг. / отв. ред. В. Е. Быстров. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 133 с.
16. Категории политической науки: учебник. / предс. редакц. совета А. В. Торкунов, рук. автор. колл. А. Ю. Мельвиль. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
17. Коршунов И. Содружество // Культурно-просветительная работа. 1955. № 8.
18. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 14-ти т. Изд-е 9-е, доп. и испр. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. М.: Политич. литература, 1985. Т. 8. 1946-1955. 542 с.
19. Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. М.: Просвещение, 1974. 272 с.
20. Культурно-просветительная работа на селе: сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М.: Московский рабочий, 1950. 430 с.
21. Материалы по культурно-просветительской работе: сборник. М.: Советская Россия, 1959. 301 с.
22. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: статсборник. М.: Госстатиздат, 1961. 572 с.
23. Пиналов С. А., Чернявский Г. И., Виноградов А. П. История культурно-просветительской работы в СССР. Киев: Вища школа, 1983. 262 с.
24. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 34.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132.
27. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32.
28. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 11.
29. Самсонов В. Лекции, не оставившие следа... // Культурно-просветительная работа. 1954. № 4. С. 21-24.
30. Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. Изд-е 2-е, перераб и доп. М.: Госкультпросветиздат, 1951. 56 с.
31. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. М.: Госкультпросветиздат, 1947. 140 с.
32. Справочник партийного работника / редколл. М. Т. Ефремов, В. Н. Малин, В. П. Московский, Д. А. Поликарпов, А. В. Романов, М. А. Сиволобов, Я. В. Сторожев, В. М. Чураев. М.: Госполитиздат, 1961. Вып. 3. 835 с.
33. Чернышёв И. Возросла активность лекторов // Культурно-просветительная работа. 1956. № 2.

LECTURE PROPAGANDA IN BIG VILLAGE OF CENTRAL NON-BLACK EARTH REGION OF 1945 – THE BEGINNING OF THE 1960S: ORGANIZATION AND FUNCTIONING

Kometchikov Igor' Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
kometchikov.igor@mail.ru

The article is devoted to the organization and functioning of lecture propaganda in the big village of the Central Non-Black Earth Region in 1945 – at the beginning of the 1960s. Main attention is drawn to the analysis of the dynamics of its structure, scope and intensity as a result of organizational principles change. In Stalin's years the indices of lecture propaganda were much lower than in the years of Khrushchev's governing. However, despite the reform of propaganda system of 1957, the inhabitants of many rural settlements and villages were not covered with lectures, which often had weak influence on the world outlook of the audience.

Key words and phrases: Central Non-Black Earth Region; organization of lecture propaganda; cultural and educational work; culture of soviet village; everyday life; authority.